

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЕЛЕНА НОСЕНКО-ШТЕЙН

**«ПЕРЕДАЙТЕ ОБ ЭТОМ ДЕТЯМ ВАШИМ,
А ИХ ДЕТИ СЛЕДУЮЩЕМУ РОДУ»**

Культурная память у российских евреев в наши дни

Москва
Издательство МБА
2013

ВВЕДЕНИЕ.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ, ЕЕ ПЕРЕДАЧА И ЕВРЕИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В последние годы проблемы исследования исторической и / или коллективной памяти, формирования и содержания представлений о прошлом в разных сообществах и культурах все более привлекают внимание ученых и широкой читательской аудитории. Обычно начало изучения этих вопросов связывают с французской школой «Анналов», прежде всего с именами Марка Блока и Люсьена Февра, а также близкого к ней социолога Мориса Хальбвакса (*Bloch, 1925; Артог, 2002; Анналы, 2002; Хальбвакс, 2005*), хотя до них к этим проблемам обращались Э. Дюркгейм, З. Фрейд и др. (подробнее см.: *Функенштейн, 2008*). Уже в 1920-е гг. некоторые ученые проводили различие между исторической и коллективной памятью. В работе «Коллективная и историческая память» М. Хальбвакс отмечал, что историческая память - это «собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей. Но, будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них» (*Хальбвакс, 2005*). Коллективная же память включает в себя воспоминания очевидцев, она отражается в живых рассказах свидетелей тех или иных событий, и тем самым «короче» исторической памяти, так как существует только до тех пор, пока живы люди, сохраняющие эти воспоминания.

Ученый подчеркивал, что коллективная память не совпадает с исторической. Последняя, по его мнению, создается профессионалами в конкретное время, для конкретных целей и конкретных кругов. Таким образом, задолго до возникновения конструктивистского подхода в социальных науках М. Хальбвакс обратил внимание на то, что историческую память

можно «изобрести», «сконструировать», намеренно «создав» или даже «придумав» значимые для того или иного сообщества факты и события. Он выступил в роли своеобразного пророка: в нашу эпоху глобализации, распространения средств массовой коммуникации и резкого возрастания роли всевозможных политехнологий конструирование «нужного прошлого» стало вполне обыденным.

Коллективная память, по мысли М. Хальбвакса, отличается от исторической, «поскольку из прошлого такая память сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает. Она, по определению, не выходит за пределы этой группы. ... Когда память о некоей череде событий перестает поддерживаться какой-либо группой, которая в них участвовала или испытала на себе их последствия, которая была их свидетелем или услышала живой рассказ о них от первых участников или наблюдателей, когда эта память расплывается по нескольким индивидуальным сознаниям, затерянным в новых обществах, которые уже не интересуются этими событиями, потому что они для них определенно являются внешними, тогда спасти эти воспоминания можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа - ведь слова и мысли умирают, а тексты остаются» (Хальбвакс, 2005).

Я привела эту длинную цитату для того, чтобы стало ясно, что уже на ранних этапах изучения разных типов человеческой памяти исследователи стремились проводить различия между памятью-конструктом, созданной историками, политиками, а в наше время еще и профессиональными политехнологами, и памятью коллективной, которая сохраняется в коллективном сознании группы, пока живы свидетели конкретных событий. В конечном итоге любые виды культурной памяти конструируются и изобретаются - осознанно или неосознанно. Но, если вслед за М. Хальбваксом считать историческую память «продуктом» интеллектуальной культуры, то память коллективную можно рассматривать как нечто иное; оба вида памяти соответствуют культурам, которые в культурной антропологии не-

редко рассматривают как оппозиции: «элитарная» / «высокая» и «массовая» / «народная».

В конце XX в. тема фиксации и отображения прошлого в разных социальных и культурных группах, а также в различных видах источников стала необычайно популярной. Новый толчок к изучению коллективной памяти дали работы немецкого культуролога Яна Ассмана. Он обосновал задачи и возможности нового научного направления, предмет исследования которого он называет «культурной памятью» (Ассман, 2004: 19-25). Посвятивший немало усилий изучению проблем реконструкции прошлого, исследователь писал, что «"история памяти" занимается не изучением прошлого как такового, а *того* прошлого, которое осталось в воспоминаниях - в традиции (историографической, литературной, иконографической и т.д.). И цель изучения "истории памяти" - не в том, чтобы вычленил из этой традиции "историческую правду", а чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти» (Там же). Иными словами, он рассматривает любую культурную память как феномен культуры.

Он же обосновал понятие «помнящая культура», относя к ней в первую очередь культуру еврейскую (Ассман, 2004; 29-35). О ее «помнящем» характере я еще скажу чуть ниже.

Французский исследователь Пьер Нора также посвятил свои знаменитые работы изменению отношения многих народов и целых государств к своему прошлому; он же показал, что своеобразный «всплеск» исследовательского и общественного интереса к проблемам исторической памяти стал следствием многих кризисных явлений в современном мире. П. Нора писал, что память всегда множественна (выделено мной - Е. Н.-Ш.), т. е. включает в себя «памяти» разных групп (Нора и др., 1999: 20, 22). Вслед за М. Хальбваксом он отмечал, что в настоящее время «у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого. ... Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем» (Нора, 2005; более подробно о про-

блеме исторической памяти в исследованиях школы «Анналов», М. Хальбваксе и П. Нора см.: Уваров, 2004).

В СССР историческая и культурная память особенно серьезно изучалась медиевистами, прежде всего М.А. Баргом и А.Я. Гуревичем. В последние годы отечественные исследователи - и в этом большая заслуга трудов М. Хальбвакса, П. Нора и особенно Я. Ассмана - также обратились к изучению разных проблем культурной памяти. Число публикуемых на эту тему работ возрастает лавинообразно, особенно в медиевистике (например: *Варьяш, 2004; Репина, 2004; Образы прошлого, 2003; Арнаутов, 2002; Дмитриева, 2005; Древнейшие государства, 2003; Заклинский, 1999; Историческая память, 2005; Историческая память, 2006; Савельева, 2003*). Они становятся довольно распространенными среди исследователей отечественной истории - как попытка «поиска корней», а также как осмысление прошлого путем возвеличивания или, напротив, преуменьшения значимости различных событий или личностей (например: *Буганов, 2004; Кознова, 2006; Чуйкина, 2006*). Многочисленные публикации, так или иначе связанные с проблемами исторической памяти, в последнее время буквально наводнили Интернет (см.: *Ильинский, 2006; Патриотизм, 2003; Червен-Водала, 2007*), включая правительственные и партийные сайты (например, проект по исторической памяти, размещенный на сайте «Единой России» (*Историческая память, 2007*)).

В отечественной этнологии проблемами исторической памяти до недавнего времени занимались сравнительно мало, хотя еще Ю. Бромлей указывал, что исторический опыт передается из поколения в поколение в первую очередь через культурные традиции. Парадоксально, но на взгляды Ю.В. Бромлея, равно как и на воззрения его оппонентов - в прошлом и настоящем заметное воздействие оказали взгляды Макса Вебера, согласно которому этническая группа - это группа людей, члены которой «обладают субъективной верой в общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или по при-

чине общей памяти о колонизации и миграции» (выделено мной - Е. Н.-Ш.) (Вебер, 2003). Иными словами, тема общей памяти («Общей Судьбы», идеей которой одержимы герои аксеновского «Острова Крым»), т.е. неких событий и явлений, ключевых для данной этнической или иной культурной группы, давно обратила на себя внимание интеллектуалов.

Впоследствии к этой теме этнологи стали обращаться все чаще, связывая ее с этнической и/или национальной идентичностью или самосознанием (Полянский, 1999; Носенко, 2004; Кожановский, 2006). Примером такого их повышенного внимания могут служить статьи в специальном тематическом выпуске журнала «Этнографическое обозрение» (№ 2, 2008) под названием «Антропология памяти», посвященном некоторым, в том числе и ключевым символам этнической памяти эстонцев, русских и армян.

Память как основа культурной идентичности

Культурная память тесно связана с групповой идентичностью - этнической, религиозной, национальной и т.д. Эрозия коллективной памяти неизбежно влечет за собой и кризис групповой идентичности. На такой кризис применительно к еврейской культуре обращают внимание практически все исследователи, пишущие о еврейской идентичности.

Так, Йосеф Иерушалми в своих трудах, посвященных проблемам истории и ее сохранения в культурной памяти евреев, отмечал, что в настоящее время распад этой памяти зашел настолько далеко, что современные исследователи даже не могут договориться, что же составляет истинное или хотя бы идеальное ее содержание (Иерушалми, 2004: 88-114). В этой связи любопытна структура его замечательной книги: в ее первых главах рассматривается проблема передачи исторической памяти в библейский и талмудический периоды, в эпоху Средневековья и начале Нового времени. И лишь одна глава под выразительным названием: «Современные проблемы. Историография и ее разочарования» посвящена изучению ев-

рейской исторической памяти в наши дни (*Иерушалми, 2004: 831-13*); причем она занимает меньше одной пятой всего объема книги.

Блестящая работа Иерушалми послужила толчком к дальнейшим исследованиям в этой области. Несколько статей, в том числе дискуссионного характера, были опубликованы в коллективной монографии, вышедшей «по следам» книги Иерушалми (*История и коллективная память, 2008*). Характерно, что и в этой книге, помимо обзорной статьи А. Функенштейна об изучении коллективной памяти, а также двух дискуссионных статей по книге И. Иерушалми, четыре статьи посвящены различным аспектам передачи и функционирования коллективной памяти у евреев - опять же в Средние века, эпоху Ренессанса и начале Нового времени. И снова - лишь одна - глубокая статья Я. Зерубавеля (опять символическое название - «Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры») касается памяти о событиях относительно недавних (*Зерубавель, 2008*; подробнее об этой работе я расскажу в соответствующей главе).

И это не случайно. Такая обращенность к глубокому прошлому доказывает не столько отсутствие интереса ко дню сегодняшнему, сколько свидетельствует о кризисе еврейской идентичности, о котором так много писали и продолжают писать ученые и публицисты.

На протяжении многих столетий еврейская культура действительно была «помнящей», если пользоваться определением Я. Ассмана. Передача традиции, памяти о событиях и людях напрямую заповеданы в Еврейской Библии (Ветхом Завете) в кн. Иоиль: «Передайте об этом детям вашим; а дети ваши пусть скажут своим детям, а их дети следующему роду» (Иоиль, 1:3). В течение многих веков в Субботу, предшествующую празднику Пурим, читают отрывок из кн. Второзаконие: «Помни (Захор), что сделал тебе Амалек на пути, когда вы шли из Египта: как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога; итак, когда Господь Бог твой успокоит тебя от всех врагов

твоих со всех сторон, на земле, которую Господь Бог твой дает тебе в удел, чтоб овладеть ею, изгладь память Амалека из поднебесной; не забудь» (Втор. 25:17-19). Заповедь «Помни», предписание «Передайте об этом детям Вашим» стали неотъемлемой и очень важной частью еврейской культурной традиции и оставались ею на протяжении многих веков. Такая передача культурного опыта из поколения в поколение наряду с сильной внутригрупповой солидарностью были важнейшими факторами, способствовавшими выживанию евреев в отсутствие своей государственности на протяжении многих столетий в инокультурном и нередко враждебном окружении. Иными словами, еврейская культура была не просто «помнящей», но в каком-то смысле даже «образцовой моделью» для «помнящих культур».

Кризис иудаизма и основанной на нем культуры начался задолго до нашего времени. Он - порождение Нового времени (Кац, 1999), но резко усилился сначала в Западной Европе в конце XVIII - начале XIX вв., а потом в Восточной Европе и Российской империи. Как справедливо отмечают многие исследователи (Shneer, 1994; Shternshis, 2006), отход от иудаизма части еврейского населения Российской империи был результатом общего социокультурного кризиса рубежа XIX - XX столетий, имевшего глубокие корни и далеко идущие последствия (Gitelman, 1988; Nathans, 2002). Некоторые исследователи также обращали внимание на необычайную легкость, с которой еврейские массы восприняли советскую антирелигиозную пропаганду. Это было не только результатом хорошо спланированных и хорошо проведенных антирелигиозных «акций» и, по-видимому, не только следствием глубинного кризиса традиционной еврейской культуры. Не вполне соглашаясь с И. Крупником в том, что евреи были единственной группой, действительно выигравшей в результате Октябрьской революции (Krupnik, 1995), а также с А. Штерншис, которая вслед за ним утверждала, что отречение от иудаизма было своеобразной «платой» за обретение гражданских прав (Shternshis, 2006: 3), я полагаю, что причиной такого отказа были

все же названные мной кризисные явления. В результате в СССР сформировалась советская еврейская идентичность (идишская и /или русскоязычная). Иной вариант еврейской культуры, основанный на иудаизме и, следовательно, продолжавший традиционную парадигму, существовал до Второй мировой войны в странах Восточной Европы, в том числе на территориях, отошедших к СССР по пакту Молотова-Риббентропа. Но именно этот вариант восточноашкеназской культуры (*идишкайт*) был уничтожен вместе с ее носителями в огне Холокоста. После окончания войны светский советский вариант еврейской культуры и идентичности окончательно возоблада.

Мне приходилось писать, что в современной России у евреев сильно размыта этнокультурная самоидентификация. Более того, в силу ряда причин российские евреи представляют собой чрезвычайно гетерогенное сообщество (если в этом случае вообще можно употребить слово «сообщество»); поэтому именно память о прошлом - это то, что в какой-то мере связывает и скрепляет эту аморфную группу (Носенко, 2004: 309-312). В самом общем виде я понимаю культурную память как механизм передачи культурной информации или культурного опыта из поколения в поколение. Эта трансмиссия происходит на различных уровнях - в семье, дружеских кругах, образовательных учреждениях, через средства массовой информации, художественную и историческую литературу и т.п. Коллективная и историческая память обладают собственной «длиной», и обе обе избирательны, так как и профессиональные историки, и носители коллективной памяти помнят то, что хочет помнить данная группа. Вполне естественно, что историческая память, как и коллективная, нередко становится предметом манипулирования со стороны элит (или групп, претендующих на этот статус), которые решают, что на данный момент нужно помнить, а что желательно забыть.

Мои многолетние исследования показали: как нет у евреев России единой культурной идентичности (вернее, самоидентификации), так нет и единой коллективной памяти; она,

по определению П. Нора, множественна. Есть разные самоидентификации и разные культурные памяти, создаваемые и передаваемые в рамках той или иной группы. Исторические события и факты по-разному, порой до неузнаваемости различно, отражаются в документах, не говоря уже о свидетельствах очевидцев. Такие свидетельства с течением времени все более и более приобретают черты фольклорного повествования.

В этой книге речь пойдет о том, что такое культурная - коллективная и историческая - память евреев современной России, что составляет ее содержание и каковы механизмы ее передачи. Соответственно, в разных главах речь пойдет о том, сохраняется ли в России традиционная ашкеназская культура, какова роль религии в передаче культурной памяти людей еврейского происхождения, насколько значимы для них такие факторы, как память о Холокосте, Государство Израиль, антисемитизм и некоторые другие. Говоря о механизме передачи культурной памяти, мне придется также коротко затронуть некоторые проблемы образования - важнейшего «звена» в передаче памяти, а также роли семьи; в этом же контексте будут рассматриваться функции различных еврейских организаций, прессы, Интернета и ряд других вопросов.